

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург

«Росток»

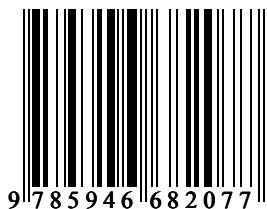
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

Таким образом, поэтическое содержание «Андрея Шенье» соотносится с переводом «С португальского» как полнокровно воплощенная тема с фрагментом ее вариации, опробованной на ином, но отчасти близком ей материале. По-видимому, вариация была интересна Пушкину как отклик на родственную его герою судьбу и в то же время — как неожиданный стиливой эксперимент, едва ли нуждавшийся в завершении и потому не получивший самостоятельного значения, подтвержденного публикацией текста.

М. Н. Виролайнен, Н. Л. Дмитриева

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АДРЕСАТЕ ЭПИГРАММЫ «ТВОИ ДОГАДКИ – СУЩИЙ ВЗДОР...»

Твои догадки — сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?
(III, 456)

Эпиграмма была обнаружена и опубликована М. А. Цявловским в 1937 г.¹ Исследователь предположил, что она направлена против неизвестного лица, ошибочно принявшего на свой счет строки о Ф. Толстом-Американце из второго пушкинского послания «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»): «Отвыкнул от вина и стал картежный вор».² Точку зрения Цявловского

¹ См.: Цявловский М. А. Неизвестная эпиграмма // Литературная газета. 1937. № 8. 10 февр. С. 4. По-видимому, с подачи самого Цявловского, ошибочно указавшего заглавие своей же статьи в комментарии к академическому собранию сочинений (см.: III, 1280), оно переходит из издания в издание в искаженном виде — как «Новая эпиграмма Пушкина».

² В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» ошибочно сообщается, что Цявловский датировал эпиграмму 1821 г. и относил ее к Ф. И. Толстому-Американцу (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: (1829—1832). С. 540). Оба этих факта не соответствуют действительности: адресат эпиграммы Цявловским не назван, а в качестве нижней границы датировки указана дата публикации послания «Чаадаеву» в журнале «Сын отечества» (Ч. 72, № 35. С. 82—84, выход в свет — 26 августа 1821 г.; в тексте статьи опечатка: «1825»).

в дальнейшем приняли Б. В. Томашевский³ и Т. Г. Цявловская.⁴ В 1995 г. эту, казалось бы, уже устоявшуюся гипотезу оспорил А. А. Асоян. По мнению исследователя, «предположение Цявловского о ком-то, якобы принявшем на свой счет стихи, метившие в Американца, и спровоцировавшем таким образом эпиграмму “Твои догадки сущий вздор...”, не убедительно. Пушкин сделал все, чтобы Толстой угадывался в послании Чаадаеву безошибочно».⁵ Подлинный адресат эпиграммы, как считает Асоян, устанавливается достаточно определенно. Это М. А. Бестужев-Рюмин, известный в Петербурге журналист, издатель альманахов «Майский листок», «Сириус», «Северная звезда» и газеты «Северный Меркурий».⁶ За Рюминым закрепилась слава картежника и пьяницы. В 1829 г. в «Северной звезде» без ведома автора и с искажениями были опубликованы шесть пушкинских стихотворений. Название же другого издания содержало имя Меркурия, бога промышленности, торговли и воровства. С совокупность этих фактов, по логике Асояна, могла привести к тому, что в сознании Пушкина вспыхнуло «еще одно прозвище игрока-журналиста — “картежный вор”».⁷ Строчки же о стихах, которых «не проникнул» адресат эпиграммы, связаны, по утверждению исследователя, с пушкинским «Собранием насекомых», опубликованным в апреле 1830 г. в альманахе «Подснежник» и вызвавшим бурную литературную полемику.⁸ Как мы помним, имена адресатов в этой эпиграмме были обозначены звездочками

³ См.: Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1950. Т. 3. С. 525.

⁴ См.: Цявловская Т. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 698.

⁵ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...» // Russian Studies. 1995. Vol. 1, № 3. С. 264. Ср. также переиздание этой статьи в книге автора: Асоян А. Пушкин ad Marginem. СПб., 2015. С. 47–56.

⁶ О Бестужеве-Рюмине см., например: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 38; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 261–262 (статья В. Э. Вацууро); Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001. С. 420–423; примеч. Е. О. Ларионовой; см. также: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашник» // Пушкин: Исследования и материалы. М., 1956. Т. 1. С. 268–277; Абрамов Л. За строками «Северного Меркурия» // В мире книг. 1984. № 6. С. 54–55; Алешкевич А. А. М. А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991. С. 137–149.

⁷ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...». С. 265–266.

⁸ Материалы этой полемики см.: Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. С. 238–242, 463–467.

по числу слогов в их фамилиях. В девятом стихе напротив «черной мурашки» стоят две звездочки. Асоян без колебаний утверждает, что здесь зашифровано имя Рюмина. Однако «догадки», о которых говорится в эпиграмме «Твои догадки — суший вздор...», связаны не с самим Рюминым, а с В. Н. Олиным, издателем «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности на 1830 год». Пушкин, по мысли Асояна, решил таким способом «дезаурировать неприятные Олину намеки Бестужева-Рюмина»⁹ (Рюмин ехидствовал, заявляя, что под «мелкой букашкой» в «Собрании насекомых» скрывается Олин). Следовательно, целью эпиграммы являлось некое «заступничество» за Олина, с которым Пушкин не хотел портить отношения. «Впрочем, — продолжает Асоян, — начальные строчки эпиграммы могут быть прочитаны и как ответ на инсинуации Рюмина, касающиеся Пушкина и его окружения».¹⁰

Аргументация Асояна кажется неубедительной. Прежде всего, представляется маловероятным, что строка «моих стихов ты не проникнул» связана со столь незначительным для Пушкина фактом, как пикировка Олина и Рюмина. Несколько логичнее, на наш взгляд, было бы предположить, что Рюмин мог увидеть себя в стихах «Собрания насекомых». Однако никаких оснований связывать «Твои догадки...» именно с этим пушкинским текстом у нас нет, тем более, что сам автор гипотезы также не представляет хоть сколько-нибудь весомых аргументов в пользу связи эпиграммы с «Собранием насекомых». Кроме того, нельзя с абсолютной гарантией утверждать, что в «Собрании насекомых» зашифрована фамилия именно Бестужева-Рюмина.¹¹ Вопрос об адресатах этой оригинальной эпиграммы не раз оказывался в центре внимания как современников Пушкина, так и исследователей творчества поэта. К единому мнению о том, кого же разумел Пушкин под «черной мурашкой» и «мелкой букашкой» (в первоначальной редакции «тощая пивявка» и «мелкая козявка») своей энтомологической коллекции, исследователи до сих пор не пришли. Основные претенденты на эти характеристики — Раич, Рюмин и Олин.

Скорее, имя Рюмина заставляет нас вспомнить другую пушкинскую эпиграмму — «Седой Свистов! ты царствовал со славой...», — напечатанную в «Северных цветах» на 1830 год. Эпи-

⁹ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки суший вздор...». С. 268.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. Э. Вацуро уверенно говорит о том, что Бестужева-Рюмина Пушкин вообще «печатно не задевал, так как тот не стоял этой чести» (Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 186).

грамма, адресованная Надеждину, была подписана псевдонимом «Арз.», то есть «Арзамасец». ¹² Бестужев-Рюмин, подписывавшийся «Ар. З.» (Аристарх Заветный), принял ее на свой счет и вскоре поместил в «Северном Меркурии» ответную эпиграмму. ¹³ Думается, что даже эта ситуация с большей вероятностью, нежели полемика вокруг «Собрания насекомых», могла спровоцировать эпиграмму «Твои догадки — сущий вздор...».

Однако наиболее убедительным аргументом при анализе эпиграммы и поиске возможных адресатов оказывается сам пушкинский текст, его структура и семантика. Одним из жанровых признаков эпиграммы является смысловая сгущенность. Для эпиграмм Пушкина это свойство особенно характерно. Как отметил Е. Г. Эткинд, «Пушкин насытил эпиграмматическое слово большой содержательностью, до предела спрессовав в нем его смысловые и стилистические свойства». ¹⁴ Если следовать гипотезе Асояна, то окажется, что эпиграмма «Твои догадки — сущий вздор...» лишена семантической цельности, она предстает соединением разнородных кусков и, таким образом, утрачивает смысловую емкость. Получается, что, говоря о своих стихах, которых «не проникнул» адресат, поэт имеет в виду не стихи о «картежном воре» из послания «Чаадаеву», а некое иное произведение. При этом смысл текста оказывается совершенно затемнен. Едва ли Пушкин мог написать столь невнятное произведение, поскольку для его эпиграмм характерна «предельная отточенность поэтической формы». ¹⁵ Даже если допустить правоту Асояна и предположить, что под «моими стихами» подразумевается не послание «Чаадаеву», перед исследователем неизбежно встанет ряд острых вопросов, например: почему адресат эпиграммы, кто бы он ни был, заставил Пушкина вспомнить нарисованный им в 1821 г. сатирический портрет Толстого-Американца? Какими эстетическими и внеэстетическими задачами мотивировано сопоставление адресата «Твоих догадок...» именно с героем «Послания»?

¹² Впервые на принадлежность Пушкину этой эпиграммы указал Н. О. Лернер (см.: Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1916. Вып. 16. С. 30–37).

¹³ См.: Там же. С. 33–35.

¹⁴ Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 38. Ср. также мнение самого А. Асояна: «...пушкинский лаконизм не всегда измеришь количеством строк, много убедительнее свидетельствует о нем суггестивность стиха; она остро ощущается при сравнении Пушкина с другими поэтами» (Асоян А. А. Сатирические эпиграммы Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 127).

¹⁵ Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист. С. 27.

Рассуждения автора гипотезы, увы, не дают на них исчерпывающего ответа.

Несомненно, «мои стихи» — это маркер автоаллюзии, заключенной в последнем двустишии:¹⁶ «Я знаю, ты картежный вор, / Но от вина ужель отвыкнул?» Последняя строка (а не двустишие, как считает Асоян) заключает в себе пуант, строящийся на полемическом обыгрывании мотивов послания «Чаадаеву». Именно при таком прочтении эпиграмма обретает лаконичность и смысловую завершенность. Приходится признать, что гипотеза Цявловского о незнакомце, увидевшем себя в стихах о Ф. Толстом, оказывается гораздо более правдоподобной и обоснованной. Вопрос же о том, кто был истинным адресатом пушкинского выпада, остается на данный момент неразрешенным. Им вполне мог быть и тот же Бестужев-Рюмин, который, как известно, не отличался особой пронизательностью и от вина никогда не «отвыкал». Но все это уже область тех произвольных догадок, о которых лучше всего сказал сам поэт.

Что касается датировки эпиграммы, то логичнее всего было бы предположить, что она была написана вскоре после августа 1821 г., когда вышло в свет послание «Чаадаеву». В последующих прижизненных изданиях Пушкина уничижительные строки о Ф. Толстом не попали в печатный текст, помирившийся с Американцем поэт счел нужным их исключить. С точностью же указать верхнюю границу датировки довольно трудно. М. А. Цявловский относил ее к 1829 году (см.: III, 1280), Т. Г. Цявловская — к 1827-му,¹⁷ однако эти предположения не подкреплены какими-либо аргументами.

Важным фактором при установлении датировки эпиграммы оказывается анализ единственной копии, представляющей текст стихотворения и известной в пушкиноведении как «копия Шевырева». Копия хранится в пушкинском фонде Рукописного отдела Пушкинского Дома.¹⁸ Это лист бумаги большого формата, на котором с одной стороны записан знаменитый «Пророк», а на обороте — две эпиграммы Пушкина, сплошь зачеркнутые, — «Как печатью безымянной...» («Как сатирой безымянной...» печатной редакции) и «Твои догадки — сущий вздор...», а также отрывки эпиграмм на графа Д. И. Хвостова, в частности, известная «арзамасская» надпись

¹⁶ Кстати, именно презумпция семантической цельности выступает для Цявловского единственным (и достаточным) аргументом в пользу авторства Пушкина: «“Моими стихами” никто, кроме Пушкина, не мог назвать стихи о “картежном воре”, “отвыкнувшем” от вина» (Цявловский М. Неизвестная эпиграмма. С. 4).

¹⁷ Цявловская Т. Г. Примечания. С. 698.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 17.

к портрету Хвостова «Се Росска Флакка зрак...». То, что последнее четверостишие «Пророка» и хвостовский цикл записаны рукой Погодина, с самого начала не вызывало сомнений у исследователей. Атрибуция же остальных фрагментов была, по-видимому, более трудной. На обложке, в которой хранится копия, помечено: «Писано частью рукою М. П. Погодина». М. А. Цявловский, обнаруживший копию, говорит о «неизвестной руке», которой сделана часть записей.¹⁹ Версия о Шевыреве, позднее выдвинутая Цявловским, впервые появилась в академическом шестнадцатитомном собрании сочинений Пушкина (см.: III, 1130, 1280) и с тех пор никем не подвергалась сомнению. Тщательный почерковедческий анализ автографов С. П. Шевырева, хранящихся в рукописных отделах Пушкинского Дома и Российской национальной библиотеки, показал правомерность этой гипотезы.²⁰ Динамика изменения шевыревского почерка свидетельствует, что «Пророк», а также две пушкинские эпиграммы были, скорее всего, записаны где-то на рубеже 1820—1830-х гг.

Однако установление более точной даты появления копии вызывает затруднения. Эпиграмму «Как сатирой безымянной...» принято датировать августом — началом октября 1829 г. (см.: III, 1186), напечатана она была 12 октября того же года.²¹ Следовательно, запись эпиграммы «Твои догадки — сущий вздор...», располагающаяся на листе ниже, не могла быть сделана Шевыревым до этого момента. Учитывая тот факт, что с начала марта 1829 г. до конца сентября 1832 г. он отсутствовал в России (проведя три года в Италии в качестве воспитателя сына княгини Э. А. Волконской), фиксацию обоих текстов следует отнести ко времени после его возвращения, но вряд ли намного позднее 1832 г. (то, что Шевырев записывал пушкинские стихотворения в Италии, маловероятно). Таким образом, есть основания считать именно 1832—1833 гг. верхней границей датировки эпиграммы «Твои догадки — сущий вздор...».

Что же касается списка «Пророка», то порядок записывания с рядом характерных вычеркиваний и вставок свидетельствует скорее в пользу предположения, что Шевырев воспроизводил пушкинский текст по памяти (а исправления Погодина придали ему аутентичный, полностью совпадающий с печатной редакцией вид).²² Согласно

¹⁹ Цявловский М. Неизвестная эпиграмма. С. 4.

²⁰ Приношу благодарность Д. О. Цыпкину, оказавшему мне неоценимую помощь в этой работе.

²¹ См.: Московский телеграф. 1829. Ч. 29, № 18. С. 194.

²² Ср. иное мнение М. А. Цявловского: «Копия, возможно, представляет собою точное воспроизведение несохранившегося автографа Пушкина, дающего первую беловую редакцию с переделками в отношении композиции» (III, 1130).

одной из гипотез, запись была оформлена «несомненно до публикации “Пророка”»²³ в феврале 1828 г.²⁴ Действительно, на первый взгляд представляется очевидным, что «вспоминать» «Пророка» при уже существующей публикации для Шевырева не было никакой надобности. Однако эта, казалось бы, абсолютно ясная и логичная версия нарушает текстологическую целостность самой шевыревской копии: получается, что записи на обороте (две эпитаграммы) были сделаны лишь через пять (или более) лет после того, как был заполнен первый лист. Теоретически это допустимо, но выглядит спорно. Безусловно, комментаторам «Пророка» следует учесть эти важные обстоятельства.

Н. А. Карпов

²³ Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 42. Такую же позицию занимает, к примеру, и Д. П. Ивинский. Замечая, что «мы ничего не знаем о времени и обстоятельствах создания данного списка», он склонен датировать его «не ранее весны 1827 года» (Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»: К истории ранней редакции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 255, 256). Возможность создания копии в 1830-е годы даже не рассматривается.

²⁴ «Пророк» был опубликован в № 3 «Московского вестника» за 1828 г. (С. 269–270).

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ»

Что касается служанок, то они
все превращались в Николетт.

Гого, «Отверженные»

Проблемы пушкинского ономастикона разработаны уже столь подробно, что превратились нынче чуть ли не в специальную научную дисциплину.¹ В настоящей заметке речь пойдет об одном ономастическом противоречии, породившем примечательный спор в современном пушкиноведении. Проблема эта была впервые сформулирована М. Ф. Мурьяновым в 1969 г.: «...почему для оруже-

¹ Библиографический обзор работ, посвященных пушкинскому именованию, см. в кн.: Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя. Воронеж, 2009.